

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

Научная статья / Research article

Включение Восточной Прибалтики в Российскую империю: методы «приращения отечества» Петра I

Николай Равильевич Славнитский

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Петропавловская крепость,
Санкт-Петербург, Россия

✉ slavnitski@bk.ru

Аннотация: Рассматривается вопрос о том, как в годы Северной войны проходило включение территории Прибалтики в состав Российской империи. Этот процесс оказался очень непростым, причем сразу в нескольких аспектах – военном, дипломатическом и управленческом. В первые годы войны Петр I вообще не рассматривал Прибалтику как территорию, которая может стать частью России, и российские войска производили там опустошения, а в преддверии наступления шведов в 1708 г. были разорены уже занятые города. После победы под Полтавой в 1710 г. ситуация изменилась, была занята вся Прибалтика, и российское руководство стало налаживать отношения с местным населением. На этой территории были сохранены элементы местного самоуправления, лютеранское вероисповедание, а в Риге, Ревеле и Пернове оставались небольшие гарнизоны с артиллерийским вооружением, которые находились в ведении местных властей. В то же время за включение Прибалтики в состав России пришлось вести дипломатическую борьбу. С одной стороны, Швеция не хотела вообще оставлять эти территории. С другой стороны, еще перед началом Северной войны между Петром I и саксонским курфюрстом Августом II (который также являлся королем Речи Посполитой) была достигнута договоренность о том, что территория Прибалтики будет отдана ему. Но по мере успехов российских войск Петр I стал постепенно добиваться того, чтобы прибалтийские земли были переданы России. Дипломатам в течение десятилетия пришлось лавировать, и в конце концов они смогли добиться успеха – по итогам Ништадтского мирного договора 1721 г. территория Прибалтики (как и Ингерманландии) была включена в состав Российской империи не только фактически, но и юридически. После этого потребовалось еще несколько лет на то, чтобы урегулировать ситуацию, связанную с земельными владениями.

Ключевые слова: Петр Великий, XVIII век, история дипломатии, Нарва, Дерпт, выход к морю, пространственный фактор

Для цитирования: Славнитский Н.Р. Включение Восточной Прибалтики в Российскую империю: методы приращения отечества» Петра I // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 335–350. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

The Inclusion of the Eastern Baltic in the Russian Empire: Methods of Peter I to 'Increase the Fatherland'

Nikolai R. Slavnitsky

State Museum of the History of Saint Petersburg, Peter and Paul Fortress,
St. Petersburg, Russia

✉ eslavnitski@bk.ru

Abstract: The article examines the issue of how the Baltic territory was included in the Russian Empire during the Great Northern War. This process turned out to be very difficult in several aspects – military, diplomatic and managerial. In the first years of the war, Peter I did not at all consider the Bal-

tic as a territory that could become part of Russia; the Russian troops devastated the territory; and ahead of the Swedish offensive in 1708, the occupied cities were ruined. After the victory at Poltava, in 1710, the situation changed; the entire Baltic region was occupied, and the Russian leadership began to establish relations with the local population. On this territory, the elements of local self-government were preserved, freedom of religion was proclaimed; in Riga, Revel and Pernau there were small garrisons with artillery weapons, which were under the jurisdiction of the local authorities. At the same time, a diplomatic struggle was waged for the inclusion of the Baltic in Russia. On the one hand, Sweden did not want to leave these territories at all. On the other hand, before the beginning of the Great Northern War, Peter I and Saxon Elector August II (who was also the king of Poland) reached an agreement that the territory of the Baltic States would be given to him. But as the Russian troops succeeded, Peter I began to gradually strive for the Baltic lands' transferring to Russia. For a decade, diplomats had to maneuver, and in the end, they were able to achieve success – following the results of the Treaty of Nystad of 1721, the territory of the Baltic States (as well as Ingria) was included in the Russian Empire not only de facto, but also de jure. After that, it took several more years to resolve the situation related to landed estates.

Keywords: Peter the Great, the 18th century, history of diplomacy, Narva, Dorpat, access to the sea, spatial factor

For citation: Slavnitsky, N.R. “The Inclusion of the Eastern Baltic in the Russian Empire: Methods of Peter I to ‘Increase the Fatherland’.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 335–350. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-335-350>

Введение

Основной целью Северной войны 1700–1721 гг. для России являлось возвращение территории Ингрии. Но обстоятельства сложились так, что российские войска с самого начала вели боевые действия на территории Прибалтики. Надо сказать, что борьба за эти территории (до конца XIX в. они назывались «Остзейскими») велась между ведущими державами региона с древних времен. В XVI столетии наиболее масштабным столкновением стала Ливонская война (1558–1583), а в XVII в. – война 1655–1660 гг., получившая название «Первая Северная война». Результат того конфликта не устроил ни одну из стран, принимавших участие в ней, что и предопределило новую войну, начавшуюся в 1700 г. Рассматриваемая война часто называется Второй Северной войной или Великой Северной войной, поскольку ее итог кардинально изменил ситуацию в Балтийском регионе.

В составе Российской империи по итогам войны оказались Лифляндия (города Нарва и Дерпт), Курляндия (Рига) и Эстляндия (Ревель, Пернов). Процесс включения этих областей получился непростым, на протяжении 20 лет пришлось вести не только военную, но и дипломатическую борьбу. В первом десятилетии менялась и военная обстановка и отношение Петра I к населению Прибалтики. В предлагаемой статье мы постараемся осветить все эти аспекты.

Дипломатические перипетии 1710-х гг., связанные с включением прибалтийских земель в состав России, изучены лучше всего. Этому вопросу посвящены работы Т.К. Крыловой¹, рассмотревшей ход переговоров, состоявшихся в 1713 г., С.А. Фейгиной² и Л.А. Никифорова³, которые подробно проработали ход переговоров в ходе Аландского (1718 г.) и Ништадского (1721 г.) конгрессов. Кроме того, следует отметить и работу В.А. Артамонова⁴, в которой рассмотрена борьба политического руководства и дипломатов России и Речи Посполитой за территорию

¹ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 186–208.

² Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

³ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадский мир. М., 1959.

⁴ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990.

Прибалтики. Что же касается управления этими территориями, то данные моменты освещены в статье А.А. Стерликовой⁵. Таким образом, наиболее подробно в отечественной историографии изучена дипломатическая борьба за присоединение Прибалтики в 1710-е гг. В то же время исследования, в котором рассматривались бы все аспекты в комплексе, до настоящего времени не было. К тому же практически не изученными остаются планы российского руководства в первом десятилетии XVIII столетия.

Цель данной статьи – определение планов Петра I и его окружения относительно присоединения Остзейских земель (Прибалтики) в ходе Северной войны. В рамках ее решения ставятся задачи проанализировать этот процесс в комплексе боевых операций и дипломатических отношений.

Основной источниковой базой работы является переписка Петра I. Эти документы опубликованы в соответствующих томах издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», в которых содержатся инструкции дипломатам и губернаторам, управлявшим прибалтийскими территориями, а также донесения к царю. Кроме того, автором привлечены и неопубликованные документальные материалы, сохранившиеся в архивах нескольких ведомств. В фонде походной канцелярии А.Д. Меншикова (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН) выявлены донесения комендантов и обер-комендантов к Александру Даниловичу, а в фонде канцелярии Ф.М. Апраксина (Российский государственный архив военно-морского флота) – аналогичные донесения к Федору Матвеевичу, а также документы, связанные с земельными владениями в Прибалтике после Северной войны.

Первый период Северной войны – до сражения под Полтавой

Практически сразу после формального объявления войны российские полки двинулись осаждать Нарву. Как известно, операция оказалась неудачной – взять укрепления не смогли, к тому же шведская армия нанесла поражение, которое можно назвать сокрушительным. После этого Петру I на время пришлось отказаться от наступательных операций и сосредоточиться на обороне.

При этом боевые действия на территории Прибалтики проходили и в следующем году. 3 июня 1701 г. главнокомандующим над войсками в Новгороде и Пскове был назначен Б.П. Шереметев, который получил указание охранять указанные города и «осуществлять поиск над неприятелем» (то есть стараться наносить урон небольшим отрядам) в Лифляндии⁶. В то же время А.И. Репнин вместе со вверенными ему полками был отправлен в Курляндию для помощи саксонским войскам. Каких-либо серьезных действий они там не вели – этот корпус соединился с саксонскими войсками 25 июня под Ригой⁷. Однако 8 июля саксонские части были разбиты шведами под предводительством короля Карла XII (войска российской армии в этом сражении не принимали участия), и после этого А.И. Репнин стал отступать к Динабургу и 15 августа прибыл в Псков⁸. Таким образом, первое появление российских войск в Прибалтике оказалось мимолетным, однако Б.П. Шереметев наладил разведку и всю осень пристально следил за шведами.

Как только Борис Петрович получил сведения, что неприятель стягивает силы к Дерпту и Эрестферу, он выступил из Пскова и в последних числах декабря одержал первую победу над корпусом, которым командовал шведский генерал В.А. Шлипп

⁵ Стерликова А.А. Становление российской империи и особенности русского империализма на примере вхождения Прибалтики в состав России // Империи и империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб., 2009. С. 233–236.

⁶ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 59.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 717.

⁸ Там же. С. 718.

пенбах⁹. Аналогичным образом он действовал и в следующем году, в результате чего нанес шведам еще одно поражение при Гуммельсгофе. Эти сражения подробно изучены в отечественной историографии¹⁰, их мы подробно рассматривать не будем, однако считаем необходимым остановиться на одном важном моменте.

Параллельно с Б.П. Шереметевым действовал П.М. Апраксин, который осуществлял «поиски» на территории Ингрии. 10 августа 1702 г. он послал царю донесение, в котором сообщил:

По твоему государеву указу военным походом в неприятельской стороне уезд Ореховский и ниже города Орешка по реке Неве до реки Тосны и до самые Ижорские земли с твоими государевыми ратными людьми прошел и неприятельские их жилища, многие мызы великие и всякое селение развоявали и разорили без остатку. И сего августа в 10-й день пришли на реку Тосну, которая имеет устье свое от реки Невы четыре версты, от Орешка двадцать, а не дошед Канец за тридцать верст¹¹.

Там его части столкнулись со шведскими отрядами, которых удалось вытеснить с мызы Ижорской, где Петр Матвеевич сам и остановился¹².

Фельдмаршалу царь 5 августа сообщил, что получены «подлинные вести» о движении шведского короля к Варшаве («и уже о своем прибытии писал явно к Варшавским жителям, и универсалы разослал, что он идет выбирать иного короля; войска с ним 8000 человек, да из Померании будут 6 полков»), а также о том, что «война у Голанцов и прочих с французом зачалась». Из этого Петр I сделал вывод (оказавшийся верным), что Карл XII увяз в Польше и что у российского командования окончательно развязаны руки, поэтому предлагал Борису Петровичу «итить на генерала» (В.А. Шлиппенбаха) и «землю их как возможно далее к Колывани (Ревелю) разорить». Другим вариантом было «добывание Юрьева Ливонского» (то есть взятие Дерпта)¹³. Борис Петрович еще 18 июля разбил шведский корпус В.А. Шлиппенбаха при Гуммельсгофе.

17 августа царь написал два письма, одно к П.М. Апраксину, второе к Б.П. Шереметеву. И если Борису Петровичу было прямо указано заниматься разорением земель, то Петр Матвеевич получил «нагоняй» за разорение. Хотя там имелась оговорка:

А что по дороге разорено и выжжено, то не зело приятно нам, ибо словесно вам говорено, чтоб не трогать, а разорять или брать лучше города, неже деревни, которые ни малого супротивления не имеют, а только своим беспокойством...¹⁴

Из этих документов видно, что население Прибалтики в то время рассматривалось как чужое, тогда как Ингрию Петр I уже воспринимал как российскую территорию.

Осенью 1702 г. в Лифляндии наступило некоторое затишье – Б.П. Шереметев с частью вверенных ему войск отправился к Нотебургу, в следующем году основные боевые действия также развернулись в Ингрии.

Летом 1704 г. российские войска (во многом благодаря энергии самого Петра I) взяли штурмом укрепления Дерпта и Нарвы. Кроме того, сразу после капитуляции

⁹ Балашова Ю.П. Из истории Северной войны («Генеральный поход» русских войск в Прибалтику в 1702 г.) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Т. 127. М., 1963. Вып. 7. С. 36.

¹⁰ Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны (1701–1704). Таллинн, 1966; Артамонов В.А. Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 387.

¹² Там же. С. 387, 391.

¹³ Там же. С. 74.

¹⁴ Там же. С. 78.

нарвского гарнизона сдался и гарнизон Ивангорода. Обе ливонские крепости сильно пострадали в ходе артиллерийских обстрелов, и их сразу стали приводить в порядок. 14 сентября К.А. Нарышкин сообщил А.Д. Меншикову из Дерпта, что «болворок начали с напольной стороны окладывать дерном, а от реки на прибавочном месте подрубают»¹⁵. Однако время уже было позднее, да и работники разбежались, поэтому многого сделать не успели¹⁶. К.А. Нарышкин был назначен оберкомендантом в Нарву, при этом в его ведении находился Псков.

Кроме него за починку нарвских укреплений отвечали сразу несколько человек. В частности, А. Щукин 1 сентября 1704 г. доложил А.Д. Меншикову, что «брешт разобран и к починке то место готово, также и где стена отвалилась... дерном ведут». Но к каменным работам в то время еще не приступили¹⁷. П.М. Апраксин в то же время следил за приведением в порядок одного из рavelинов, но и там ограничились в то время лишь земляными работами¹⁸. Что касается брешей, то и они долгое время оставались незаделанными, в частности, в апреле 1706 г. У.А. Сенявин доносил А.Д. Меншикову, что государь «изволил смотреть брешта и ворот и погребов, а брешт, которой ныне по приказу вашего сиятельства велено делать изволил приказать обождать»¹⁹. Это означает, что в укреплениях Нарвы в то время еще оставались проломы, сделанные летом 1704 г.

Отметим любопытный момент, касающийся оснащения Нарвы артиллерией. Первая ведомость орудиям была составлена в 1704 г., и это был единственный случай, когда артиллерия разделена по крепостям (Нарва и Ивангород)²⁰. Во всех последующих составлялась одна ведомость на обе крепости, следовательно, они воспринимались как единое фортификационное укрепление.

Все донесения К.А. Нарышкина, касавшиеся управления «новозавоеванной территорией», составлялись на имя генерал-губернатора Ингрии А.Д. Меншикова. Таким образом, Ливония в административном отношении в тот момент стала частью Ингерманландии.

В начале 1707 г., когда появилась возможность вступить в переговоры со шведами, Петр I составил записку, в которой изложил свои взгляды на значение прибалтийских областей:

надлежит трудитца, чтоб при миротворении больше Дерпта не уступить, а ежели того невозможно, хотя просто шведы Петербурга и Нарвы не уступят, то хотя бы за деньги. Буде же Нарвы ни за что не уступят, то хотя бы на несколько лет; по самой же нужде хотя бы оную и уступить (аднакож сего без отписки не чинить). А о Петербурге всеми мерами искать удержат за что-нибудь, а о отдаче оногo ниже в мысли не иметь²¹.

Таким образом, царь готов был уступить шведам Дерпт, но ни за что не хотел отказаться от Ингрии; а за Нарву предполагал побороться; однако заключение мира было, по его мнению, в тот момент важнее приобретения Нарвы. Этот проект остался на бумаге, так как Карл XII не захотел вести переговоры. Здесь необходимо подчеркнуть – в тот момент Ливония воспринималась Петром I и его окружением не как территория, временно занятая российскими войсками.

¹⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 146. Л. 1 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 407. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 456. Л. 1; Д. 460. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 1043. Л. 1.

²⁰ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 333–336.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 61.

В 1708 г. шведский король решил вести наступление на Россию. Петр I и его сподвижники рассматривали несколько вариантов действий Карла XII и допускали, что основной удар неприятеля будет нанесен по территории Ингрии. В этом случае основные силы короля могли подержать корпус Г.Ю. Любеккера из Финляндии и корпус А.Л. Левенгаупта, находившийся в Риге. Соответственно, против А.Л. Левенгаупта должен был действовать корпус под командованием Р.Х. Боура, который в начале 1708 г. выдвинулся в Лифляндию²². В целом за оборону северо-запада отвечал Ф.М. Апраксин.

В начале февраля Федор Матвеевич получил от Петра I инструкцию, которой предписывалось: засечь все дороги от Пскова до Смоленска (кроме псковской, луцкой и смоленской, однако люди для зарубания должны были быть готовы), выслать нарвских жителей на Вологду;

из Дерпта артиллерию и прочее все вывезти во Псков, крепость подорвать и разорить, а жителей выслать вместе с нарвскими на Вологду;

в Петербурге все наскоро укрепить;

сказать под смертною казнию, чтоб все жители всех уездов свозили пожитки, провиант и фураж в крепости, а именно: в Смоленск, на Луки, во Псков, в Новгород, в Нарву, понеже под нужной час будут все жечь...²³

Два момента в этой инструкции касались населения Лифляндии. Жителей Нарвы и Дерпта предполагалось выселить в Вологду, а укрепления Дерпта взорвать.

Причины выселения жителей Нарвы, по мнению А.В. Петрова (с которым вполне можно согласиться), состояли или в желании сделать этот город русским, или в боязни измены со стороны покоренных граждан, скорее всего и то, и другое вместе (это же относится и к жителям Дерпта). При этом жителям разрешалось взять с собой или продать все движимое имущество, а если это сделать не удастся, оставить в надежном месте²⁴.

Причины, по которым следовало разрушить Дерпт, в указе не объясняются, поэтому мы можем лишь высказать предположение. Во-первых, во время осады российскими войсками летом 1704 г. крепость была сильно повреждена, и привести ее в порядок не успели. Во-вторых, Дерпт находился слишком далеко от Санкт-Петербурга и Нарвы – основного места дислокации корпуса Ф.М. Апраксина. Поэтому оборона Дерпта могла вызвать много сложностей, а оставлять неприятелю крепость, пусть и не слишком хорошо укрепленную, конечно же, не следовало: в этом случае шведы могли легко занять ее и превратить в базу для своих наступательных действий.

Здесь придется еще раз отметить, что в тот момент жителей Лифляндии Петр I не воспринимал как своих поданных, соответственно, им были приняты в отношении них предельно жесткие решения.

Отметим также, что обер-комендант К.А. Нарышкин получил от царя указание о выселении дерптских жителей еще 25 января (то есть примерно за неделю до того, как Ф.М. Апраксин была составлена упомянутая выше инструкция Ф.М. Апраксину)²⁵, а распоряжение подготовиться к разрушению укреплений было дано еще

²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. С. 66.

²³ Там же. С. 55–56; *Мышлаевский А.З.* Северная война. Летняя кампания 1708 г. СПб., 1901. С. 33.

²⁴ *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности в связи с упрочением русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901. С. 314–315.

²⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 37.

раньше – в июле 1707 г.²⁶ Соответственно, К.А. Нарышкин и Ф.М. Апраксин действовали быстро: уже 12 февраля указ о выселении был объявлен магистрату и жителям Дерпта (причем стал для них полной неожиданностью)²⁷, а 17 февраля К.А. Нарышкин доложил, что дерптских жителей он выслал на Вологду²⁸. Это же подтвердил и Ф.М. Апраксин, отметив, что выселение прошло «с великим трудом за подводами». Здесь же он сообщил, что

мины в готовности и исправить в две недели возможно, толко артиллерии довольно и невозможно сим путем всею исправитца²⁹.

Из города было выселено на берега реки Вологды 806 жителей Дерпта, кроме того, 657 «чухонцев» (то есть коренных жителей, скорее всего, эстов) выпустили «кто куда хочет идти»³⁰. Затем адмирал поехал в Нарву, где 1 марта объявил нарвским жителям указ о выселении и дал 8 дней срока, чтобы собраться³¹.

Разрушение укреплений Дерпта было произведено не так быстро. Во-первых, вывезти артиллерию и припасы быстро не удалось, и было решено дожидаться весны, когда это можно было сделать водным путем³². Весной этот процесс тоже затянулся (об этом свидетельствует то, что 21 мая Петр I приказывал К.А. Нарышкину поторопиться с вывозом артиллерии во Псков³³, то есть орудия в то время еще находились в Дерпте). К тому же Р.Х. Боур использовал эту крепость в качестве опорного пункта для наблюдения за корпусом А.Л. Левенгаупта и диверсий против его войск. Поэтому окончательно укрепления были разрушены лишь в середине июля 1708 г.³⁴, когда А.Л. Левенгаупт двинулся на соединение к королю Карлу XII, а Р.Х. Боур получил распоряжение двигаться за ним³⁵. В принципе, в то время уже было ясно, что основные боевые действия развернутся в других регионах, тем не менее дело с разрушением решили довести до конца. Это также свидетельствует о том, что на включение в состав России территории Лифляндии особенно не рассчитывали и предполагали, что захваченные города придется или вернуть Швеции, или передать Саксонии, поэтому укрепления спокойно разрушили.

Жителей Нарвы поселили в Москве, Казани, Новгороде, Астрахани и Вологде, где оказалось около 1700 чел. из Нарвы и около 700 семейств из Дерпта. В самой Нарве осталось около 300 чел. В 1714 г. вынужденным переселенцам было разрешено вернуться в Нарву³⁶. Тогда же домой вернулись и дерптские жители, причем они практически построили новый город³⁷. Большая же часть нарвских и дерптских жителей, по свидетельству Ф.Х. Вебера, не захотела покидать вновь приобретенные места и земли и добровольно осталась в тех местах, куда они были высланы³⁸.

²⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912. С. 13.

²⁷ Гротман И.Г. Выселение жителей Дерпта в 1708 г. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 478.

²⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 316.

²⁹ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: Документы Гос. архива. СПб., 1894. С. 2; ПБИПВ. Т. VII. Вып. 1. С. 360.

³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 362; И.Г. Гротман, однако, отмечал, что лиц не немецкого происхождения, отпущенных из Дерпта, было 447 человек. См. об этом: Гротман И.Г. Выселение жителей Дерпта... С. 485.

³¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. С. 361.

³² Там же. С. 116.

³³ Там же. С. 178.

³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 455, 475.

³⁵ Там же. М., 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 26.

³⁶ Петров А.В. Город Нарва... С. 319.

³⁷ Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 234.

³⁸ Вебер Ф.Х. Преображенная Россия // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1108.

После победы под Полтавой

Победа под Полтавой, одержанная войсками Петра I 27 июня 1709 г., стала переломом в Северной войне. И вместе с тем с этого момента стала меняться и судьба жителей Прибалтики. Уже осенью 1709 г. армия под командованием Б.П. Шереметева двинулась к Риге. Тогда же снова стали зондировать почву для заключения мира.

В наказе Б.И. Куракину для переговоров с англичанами, датном 23 октября 1709 г., Петр I предписывал в случае, если английские министры будут намекать, «что им то противно, чтоб царскому величеству Ригу добывать и так все Лифлянды себе присвокупить; и ему объявлять, что царское величество иногда такого намерения не имеет, чтоб все Лифлянды себе завоевать, но наивяще то чинит, дабы тем способом принудить короля шведского к доброму миру». Кроме того, Б.И. Куракин должен был подчеркнуть, что Лифляндия обещана им польскому королю³⁹.

По мнению В.А. Артамонова, у Петра I уже с 1709 г. зародилась мысль удержать Лифляндию в составе России. Этот год показал, что шведский военный потенциал разбит в основном российской армией, саксонцы в 1709–1710 гг. не могли воевать в Прибалтике. Исследователь совершенно верно отмечает, что способ ведения войны русскими в этих шведских провинциях в тот период отличался от военных действий 1702–1705 гг. Если до Полтавского сражения стремились к их максимальному разорению, то после 1709 г. пытались завоевать расположение немецкого дворянства⁴⁰.

Действительно, подход к населению городов, взятых российскими войсками в 1710 г., был уже совершенно иным. 4 июля 1710 г., когда капитулировал рижский гарнизон, был заключен договор с магистратом Риги, подписанный фельдмаршалом Б.П. Шереметевым и утвержденный позднее Петром Великим⁴¹. В соответствии с ним в Риге сохранялось лютеранское вероисповедание, за городом сохранялись все прежние доходы и привилегии (это пошло еще с польских королей, затем было подтверждено шведскими монархами). Кроме того, в ведении магистрата оставался гарнизон цитадели (замка), который тоже при прежних монархах комплектовался из числа городских жителей вместе с артиллерией. Основную крепость занял российский гарнизон.

В тот же день Б.П. Шереметевым был заключен договор с «шляхетством и земством княжества Лифлянского»⁴². В этом договоре также оговаривалось сохранение вероисповедания, всех прав и привилегий местного дворянства, а также всех немецких школ. Фельдмаршал согласился и с тем, чтобы во всех органах местного управления оставались «заслуженные персоны немецкой нации». Шведским подданным при этом разрешалось покинуть территорию Прибалтики, и на них все указанные привилегии не распространялись. Был и еще один пункт:

шляхетные маестности впредь никому, кроме лифляндских шляхтичей, покупать не вольно будет, и которые уже противно сему проданы, шляхтичам же выкупать⁴³.

По сути дела, на занимаемой российскими войсками территории устанавливалось местное самоуправление.

³⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М. – Л., 1951. Т. 9. Вып. 1. С. 436.

⁴⁰ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990. С. 119.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 4. № 2278. С. 515–519.

⁴² ПСЗ-1. Т. 4. № 2279. С. 519–526.

⁴³ Там же. С. 521.

12 августа того же года генерал-поручик Р.Х. Боур подписал договор с комендантом Пернова⁴⁴, где также подтверждались права и привилегии жителей этого города. Через три дня (15 августа) он доложил А.Д. Меншикову, что «лифляндскую шляхту», которая была в Пернове, он распустил «в маестности, дабы от многолюдства в Пернове поветрия не было», при этом взял у них письма, чтобы «они были под державою царского величества»⁴⁵.

На следующий день, 16 августа, Петр I подписал «универсал княжеству Эстляндскому и городу Ревелю», в котором заявлял, что по причине упорства шведского короля, не желавшего заключать мир, он вынужден послать войска к Ревелю, но обещал при этом полную безопасность жителям Эстляндии (при условии, что они не будут покидать свои дома). Там же оговаривалось, что в случае успеха российского оружия

мы намерены оставить без всякого нововведения во всей земле и городах поныне исповедуемую евангелическую религию, все их древние привилегии, вольности, права и преимущества, которые, как всему миру известно, в шведское правление всегда нарушаемы были...⁴⁶

Далее, 30 сентября, царем была подписана грамота к лифляндскому дворянству, которой подтверждались все привилегии, предоставленные ему по статуту Сигизмунда-Августа в 1561 г., правда, с оговоркой «если оные при нынешнем правительстве и временах можно употребить»⁴⁷.

С магистратом Ревеля после ухода оттуда шведского гарнизона тоже был заключен договор⁴⁸, схожий с тем, что был оформлен при капитуляции Риги: также гарантировалось сохранение «евангелического вероисповедания», местного самоуправления, в том числе и при сборе пошлин, неотягощение постоями и т. д. В этот договор был внесен и пункт, в котором магистрат просил назначить в Ревель губернатора, хорошо знающего немецкий язык, и разрешил бы содержать немецкую канцелярию. Р.Х. Боур ответил на это, что он надеется, что царь позволит не только назначить губернатора из немцев, но и в канцелярии будут работать представители местного населения, так как в Эстляндии и Ревеле преобладают немецкие жители. Так же, как и в Риге, в распоряжении магистрата оставалась городская артиллерия.

Помимо этого, 29 сентября был заключен и договор с «шляхетством и земством герцогства Эстляндского», по которому также подтверждались все прежние права и привилегии⁴⁹. Отметим в первую очередь формулировку:

Понеже благородное шляхетство и земство по самым крайним и неотвратимым причинам принуждены были решиться принять его царского величества <...> высокое покровительство и оному покориться...⁵⁰

То есть представители местного дворянства и других сословий не скрывали, что подчинение – вынужденное, при этом они указывали, что надеются на сохранение всех прав, коими пользовались ранее. Кроме того, подчеркивалось,

чтобы в верхних, так и в нижних судах никаких иных судей, кроме существовавших поныне, а в канцелярии и других местах иного языка, кроме доселе употребляемого немецкого, введено не было⁵¹.

⁴⁴ ПСЗ-1. Т. 4. № 2286. С. 531–543.

⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3773. Л. 2.

⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 4. № 2287. С. 543–545.

⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 354–355.

⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 4. № 2297. С. 552–567.

⁴⁹ Там же. № 2299. С. 567–575.

⁵⁰ Там же. С. 567.

⁵¹ Там же.

Здесь также оговаривалось, что жители Нарвы имеют право пользоваться теми же привилегиями и являются подсудными ревельским органам.

Наконец, 30 сентября жалованной грамотой городу Риге подтверждались все права и привилегии, указанные в договоре, который был подписан Б.П. Шереметевым⁵², а 12 октября были утверждены (с небольшими поправками) договорные пункты с лифляндским шляхетством и земством⁵³.

Таким образом, Петр I в 1710 г. полностью изменил свое отношение к населению прибалтийских областей. Более того, за прибалтийским дворянством и горожанами сохранились привилегии, каких у остальных поданных российского царя в тот момент не было.

Первое время генерал-губернатором Риги (соответственно и всей Прибалтики) являлся А.И. Репнин, однако в начале 1711 г. губернатором был назначен А.Д. Меншиков, основное руководство в тот момент осуществляли рижский обер-комендант Я.В. Полонский и ревельский комендант В.Н. Зотов. Александр Данилович в то время находился в действующей армии, однако и Я.В. Полонский, и В.Н. Зотов регулярно присылали ему донесения о состоянии дел во вверенных им областях. Обер-комендант Риги, главным образом, сообщал о гарнизоне⁵⁴, В.Н. Зотов в то время основное внимание уделял обеспечению безопасности Ревеля с моря (где регулярно появлялись шведские военные корабли)⁵⁵.

Однако Ревель очень быстро стал одной из баз Балтийского флота, и уже в 1712 г. В.Н. Зотов оказался в фактическом подчинении адмирала Ф.М. Апраксина. Донесения Василий Никитич стал отправлять именно Федору Матвеевичу⁵⁶. Более того, в сентябре 1712 г. и Я.В. Полонский направлял письма именно Ф.М. Апраксину⁵⁷. Такое изменение, скорее всего, было связано с занятостью А.Д. Меншикова, поэтому его функции неформально были переложены на Ф.М. Апраксина. При этом Петр I нередко направлял распоряжения, касавшиеся организации обороны Риги, напрямую Я.В. Полонскому⁵⁸.

В 1713 г., после кончины Я.В. Полонского, губернатором в Ригу (вместо обер-коменданта) был назначен П.А. Голицын⁵⁹. Это отнюдь не означало учреждения новой губернии, но появление в Риге человека в должности губернатора могло означать своеобразное повышение «статуса» прибалтийских земель. Ф.М. Апраксин в то время полностью сосредоточился на боевых действиях в Финляндии и правлении той областью.

Таким образом, в первые годы после того, как войска Петра I заняли территорию Прибалтики, управление «новозавоеванной» территорией было несколько хаотичным – по сути дела, Петр I просто поручал это дело тем людям, которые, по его мнению, могли лучше всего справиться с управлением. И лишь с 1713 г. управление становится упорядоченным. Более того, в том году была образована Рижская губерния, в состав которой была включена Смоленская⁶⁰. При этом Ревель и Дерпт не были включены в состав губернии, «понеже и преж сего они к Риге не были подчинены»⁶¹.

⁵² ПСЗ-1. Т. 4. № 2302. С. 577.

⁵³ Там же. № 2304. С. 578–580.

⁵⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4528. Л. 1; Там же. Д. 4531. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Д. 4418. Л. 2; Там же. Д. 4521. Л. 2; Там же. Д. 4495. Л. 1.

⁵⁶ Материалы для истории русского флота (далее – МИРФ). СПб., 1865. Ч. I. С. 352.

⁵⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 44. Л. 126–127.

⁵⁸ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. 1. С. 301–304.

⁵⁹ Там же. С. 305.

⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 5. № 2703. С. 49.

⁶¹ Там же. № 2723. С. 62.

Соответственно 15 ноября Петр I в письме П.А. Голицыну указал на то, что «о состоянии Смоленской губернии надобно вам взять всякое ведение...»⁶². Письма и распоряжения царя в те годы позволяют выявить основные сферы ответственности рижского губернатора. Много внимания уделено торговым делам, сбору налогов, а также зерна и другого провианта. И можно утверждать, что с 1713–1714 гг. Лифляндия стала восприниматься как полноправный регион России, пусть и с некоторыми особенностями.

Однако за включение занятых областей еще предстояло бороться дипломатам. В том же 1710 г. был заключен новый союзный договор с саксонским курфюрстом Августом II, который согласился на присоединение к России не только Ингрии, но и Эстляндии с Ревелем. Лифляндия по условиям договора должна была быть передана Августу II как саксонскому курфюрсту в наследственное владение⁶³. Этот договор был подтвержден в мае 1711 г. в Ярославле⁶⁴, однако передать крепости Петр I собирался только после окончания войны⁶⁵.

Все эти условия Петр I изложил также в письме А.А. Матвееву в середине января 1711 г. в виде инструкции для переговоров с морскими державами, предложившими свое посредничество при заключении мира⁶⁶.

В тот период российская сторона стремилась, в первую очередь, доказать военную целесообразность временного удержания Лифляндии, по возможности не раздражая союзника, учитывая уже объявленную войну с Турцией. Еще в ходе переговоров с польским посольством М. Воловича в феврале 1711 г. почти каждый обсуждаемый вопрос сводили к совместным военным действиям на юге. Г.И. Головкин и П.П. Шафиров заверяли польскую сторону в том, что Рига (как и Эльблонг) взята не для присоединения к России, и при этом ссылались на уже упоминавшуюся нами декларацию, адресованную морским державам. Вместе с тем они много времени потратили на доказательства целесообразности оставления российского гарнизона в Риге на время Северной войны. Отказ от немедленной передачи города мотивировался слабостью вооруженных сил Речи Посполитой, а предложение об образовании смешанного гарнизона было отклонено как неудобное для командования. Кроме того, российские дипломаты искусно использовали соперничество между польской и саксонской дипломатиями, каждая из которых добивалась Лифляндии для себя⁶⁷.

В частности, саксонской стороне Лифляндия была обещана лишь в том случае, если Август II получит разрешение от польской республики на уступку этой области для себя как для саксонского курфюрста. В случае благоприятной реакции Речи Посполитой предполагалось разрешить лифляндцам присягнуть Августу II, но за это российская сторона требовала позволения использовать Восточную Прибалтику как базу до конца Северной войны и пользования оттуда «малыми доходами» на содержание армии. По справедливому замечанию В.А. Артамонова, это было важным промежуточным звеном в решении лифляндского вопроса⁶⁸.

В феврале – марте 1713 г. под стенами крепости Тонингена – крепости в Голштинии, осажденной союзными войсками, было начато обсуждение условий общего мирного договора, в результате чего был составлен «Гузумский проект северного мира», названный так по месту составления – городу Гузуму, расположенному близ

⁶² Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1. С. 308.

⁶³ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 256.

⁶⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 255.

⁶⁵ Там же. С. 248.

⁶⁶ Там же. С. 38–39.

⁶⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1711). М., 1990. С. 56–58.

⁶⁸ Там же. С. 63.

Тонингена. Т.К. Крылова выделяют три редакции этого проекта: польско-саксонскую (составленную генералом Я.-Г. Флеммингом), русскую и русско-ганноверскую⁶⁹.

Основным пунктом разногласий снова был вопрос о Лифляндии и Риге. Я.-Г. Флемминг предложил следующий вариант: России предназначались Ингрия, Эстляндия и Выборг; Августу II и Польше – Лифляндия, с оговоркой, что до конца войны в ней остаются российские гарнизоны⁷⁰. В составленной Петром I в середине февраля 1713 г. инструкции А.Д. Меншикову, который должен был вести предполагавшиеся переговоры со шведскими дипломатами, говорилось, что от Швеции надо требовать Ингрию (с Нарвой), Карелию (с Выборгом) и Эстляндию, а также часть Финляндии и 5 миллионов ефимков. По поводу Лифляндии,

ежели получить невозможно, чтоб при его царском величестве осталась, то надлежит договариватца, что она королю польскому отдана и в вечное владение уступлена будет, кроме Дерптского округа, который при его царском величестве остатца имеет⁷¹.

Представители морских держав не возражали против такого варианта: Лифляндия с Ригой остаются у польского короля и Речи Посполитой, а все остальные территории, занятые русскими войсками, переходят к России (письмо Б.И. Куракина 5 мая 1713 г.)⁷².

Но осложнившаяся международная обстановка (и в первую очередь возобновление русско-турецкой войны) мало способствовала выполнению российских намерений относительно Риги и, наоборот, настоятельно требовала сохранения единства внутри Северного союза. Поэтому Петр I во время своего пребывания в Гузуме высказывался за то, чтобы принять «флеммингов проект» за основание мира и уступить Ригу Августу II⁷³. Кроме того, в феврале 1713 г. он разрешил полякам ввести в Ригу несколько полков, однако находиться там они должны были вместе с российскими гарнизонами⁷⁴ (хотя поляков не слишком устраивали обещания, они не прочь были получить Ригу в тот момент свободной от российских войск)⁷⁵. В начале 1714 г. на территорию Курляндии вступили два саксонских полка, в связи с чем Петр I рекомендовал губернатору «иметь добрую осторожность, дабы вам незапно чего не учинили»⁷⁶.

Параллельно с этим российская дипломатия через Б.И. Куракина, находившегося в Утрехте (где проходил мирный конгресс по случаю окончания войны за испанское наследство), с начала марта 1713 г. стала зондировать почву на предмет объявления Риги вольным городом. Б.И. Куракину было приказано выведать мнение об этом у голландских и английских министров⁷⁷. 10 января 1715 г. Петр I приказал Б.И. Куракину сообщить английскому двору следующий проект мира со Швецией: Ингрия, Карелия, города Нарва и Выборг, а также Эстляндия с Ревелем переходят к России. Лифляндию с Ригой пока предусматривалось передать Речи Посполитой⁷⁸. Однако при этом Б.И. Куракину предписывалось конфиденциально

⁶⁹ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 195–196.

⁷⁰ Там же. С. 197–198.

⁷¹ МИРФ. Ч. IV. С. 70–71; Письма и бумаги Императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 78–79.

⁷² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 283.

⁷³ Крылова Т.К. Гузумские переговоры о северном мире... С. 198.

⁷⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 59–60.

⁷⁵ Там же. С. 256.

⁷⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Вып. 1. С. 311.

⁷⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 105.

⁷⁸ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 83.

сообщить английским министрам следующее: защищая Польшу, России пришлось вступить в войну с Турцией, в которой она не получила поддержки, вследствие чего потеряла Азов, Таганрог, Каменный Затон, Самару, Новобогородицкое и другие города; за это Россия должна получить компенсацию. Если бы выяснилось сочувственное отношение английских министров к такой постановке вопроса о Лифляндии, Б.И. Куракин должен был прощупать почву относительно сохранения ее Россией и привести также такой довод, что передача Лифляндии Польше, которая легко может снова потерять ее, не соответствует интересам морских держав – Англии и Голландии, так как их торговля терпела бы при этом утеснение⁷⁹.

Надо сказать, что вопрос о передаче Лифляндии Польше теперь уже не стоял так остро ввиду ослабления Речи Посполитой. Но отношения России с морскими державами, в первую очередь с Англией, в тот момент стали ухудшаться, так как англичанам не нравилось усиление морского могущества России, поэтому много внимания дипломатам пришлось уделять именно переговорам с морскими державами.

12 мая 1718 г. началась работа Аландского конгресса, на котором участники переговоров изложили свои позиции: Россия хотела получить все завоеванное, Швеция не желала ничего отдавать. В августе 1718 г. Петр I согласился пойти на небольшие уступки шведам и уступить им Кексгольм⁸⁰. Кроме того, в 1719 г. А.И. Остерман получил разрешение на Аландском конгрессе предложить некоторую сумму денег за уступку Лифляндии и в крайнем случае даже согласиться на то, чтобы Лифляндия была уступлена России лишь временно – сроком на 20–30 лет⁸¹.

В нашу задачу не входит детальное описание Аландского конгресса и международной обстановки того времени. Отметим лишь то, что заключить мирный договор тогда не удалось, более того, в августе 1719 г. сформировался англо-шведский союз, предусматривавший и давление Англии на противников Швеции⁸²; а в феврале 1720 г. – союзный договор о военной взаимопомощи⁸³. После этого при английском посредничестве из войны были выведены все союзники России (кроме Речи Посполитой, которую практически никто в расчет не принимал). В результате этого Швеция лишилась всех своих германских владений, но ей было обещано возвращение Лифляндии и Эстляндии⁸⁴. Таким образом, России теперь приходилось бороться за прибалтийские области со Швецией и Англией.

Английское правительство настаивало на возвращении Швеции Ревеля и заявляло, что в противоположном случае окажет Швеции помощь. Однако идти на решительный разрыв отношений и войну с Россией англичане не решились, а появление англо-шведской эскадры в Балтийском море летом 1720 г. не принесло никаких результатов, переговоры между Россией и Швецией в 1721 г. проходили без посредников.

Заключение Ништадского мира и послевоенное урегулирование вопросов с земельными владениями

На Ништадском конгрессе шведы практически сразу признали переход Лифляндии к России. Основным камнем преткновения стал вопрос о Выборге⁸⁵. В итоге Россия по условиям мира получила все, на что рассчитывала в тот момент: Ингрию,

⁷⁹ МИРФ. СПб., 1868. Ч. 4. С. 81–82; *Фейгина С.А.* Аландский конгресс... С. 84–85.

⁸⁰ МИРФ. Ч. 4. С. 163–164.

⁸¹ *Никифоров Л.А.* Русско-английский отношения при Петре I. М., 1950. С. 203.

⁸² *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 474.

⁸³ *Никифоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадский мир. М., 1959. С. 179.

⁸⁴ Там же. С. 128.

⁸⁵ Там же. С. 408.

Карелию с Выборгом и Кексгольмом, Лифляндию с Нарвой, Дерптом и Ригой и Эстляндию, а также остров Эзель. Таким образом, осенью 1721 г. территория Прибалтики уже официально вошла в состав Российской империи.

По условиям Ништадского мирного договора, все «маетности» (то есть земельные владения) Лифляндии и Эстляндии следовало вернуть их прежним владельцам. Последние обязывались принести присягу на верность России. Те из них, которые не пожелали бы принести такую присягу, должны были в определенный срок (один – два года) продать свои владения либо царю, либо кому-нибудь из его подданных⁸⁶.

Практически сразу после заключения мира, уже в октябре 1721 г., в Лифляндии, а затем и в Эстляндии были учреждены так называемые «реституционные комиссии», подчиненные сенату. В 1723 г. было предписано, чтобы они

маетности прямым владельцам, которые кому по правам и по доказательным документам бесспорно принадлежат, возвращали и во владение отдавали, не ожидая на такие бесспорные дела конфирмации Сената, а о которых маетностях произойдут какие споры, о них, учиня сентенции, для апробации присылать в сенат⁸⁷.

Это все привело к тому, что российскими подданными стали многие прибалтийские дворяне, и в дальнейшем их потомки «верой и правдой» служили российскому престолу.

В то же время процесс этот проходил отнюдь не безболезненно. К примеру, в 1725 г. Густав Дуглас обратился с прошением, в котором отмечал, что «по силе Ништадского мира» все его мызы, которыми он владел в Эстляндии «чрез его императорского величества милосердие», он должен был вернуть прежним владельцам. Сам наследственной земли в Эстляндии не имел, потому просил другие мызы («публичные, принадлежащие его императорскому величеству») отдать ему в аренду⁸⁸.

Примерно в то же время в прошении на имя генерал-губернатора Ф.М. Апраксина представители эстляндского дворянства апеллировали к императорскому универсалу от 29 сентября 1710 г., в котором было «постановлено, что токмо в Эстляндии рожденному и живущему рыцарству императорские публичные коронные маетности в обыкновенную аренду быть могут». Некоторым из таких, по их словам, отказывали в аренде⁸⁹. Причины этого из челобитной не понятны, но, судя по всему, мызы в аренду получали те, кто, по мнению местных дворян, не был их достоин.

Из приведенных документов видно, что в период с 1710 по 1721 г. кто-то получал поместья на территории Прибалтики за выслугу. Это была вполне обычная практика для того времени. Петр I (и другие будущие монархи) регулярно жаловал земли в награду за службу. Однако в Прибалтике сложилась несколько своеобразная ситуация, вынудившая тех, кто получил земли, после заключения Ништадского мира вернуть их. В то же время образовались «публичные» земли, а также «коронные» земли. Скорее всего, это были земельные участки, владельцы которых не захотели становиться подданными Российской империи и предпочли продать свои прежние владения в казну.

⁸⁶ Никифоров Л.А. Внешняя политика России... С. 435–436.

⁸⁷ Из истории крестьянского сословия в Прибалтийском крае // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1876. Т. II. С. 533.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 240. Л. 6.

⁸⁹ Там же. Л. 2.

Выводы

В первые годы Северной войны Лифляндия по условиям договора Петра I с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II воспринималась российским царем как вражеская территория. Войска под командованием Б.П. Шереметева в то время ограничивались небольшими набегами и «поисками, в ходе которых занимались опустошением земель, и Петр I этому не препятствовал (и даже разрешал это). В 1704 г. российскими войсками были заняты Нарва и Дерпт, куда были введены российские гарнизоны, но при этом в восприятии царя никаких изменений не произошло – зондируя в следующие годы заключение мира со Швецией, он готов был уступить Дерпт, а при необходимости и Нарву. В 1708 г., когда ожидали вторжения короля Карла XII в Россию, занятая территория была разорена, укрепления Дерпта разрушены, а жители выселены оттуда.

Ситуация стала меняться после победы под Полтавой. В 1710 г. были заняты Рига, Ревель и Пернов, и с представителями этих городов были заключены договоры, которыми жителям гарантировалось сохранение лютеранского вероисповедания, местного самоуправления и другие льготы. То есть восприятие Петра I полностью поменялось. В то же время и дипломаты стали добиваться включения Прибалтики в состав России. Это им удалось довести до конца, и после заключения Ништадского мирного договора прибалтийские земли стали неотъемлемой частью Российской империи.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.10.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.12.2020

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.06.1022

References

- Arbuzov, L.A. *Ocherk istorii Lifylandii, Estlyandii i Kurlyandii*. St. Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha Press, 1912 (in Russian).
- Artamonov, V.A. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1711)*. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Balashova, Yu.P. “Iz istorii Severnoi voiny (‘General'nyi pokhod’ russkikh voisk v Pribaltiku v 1702 g.)” *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi* 127, no. 7 (1963): 31–58 (in Russian).
- Feigina, S.A. *Alandskii kongress. Vneshniaia politika Rossii v kontse Severnoi voiny*. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Grotian, I.G. “Vyselenie zhitelei Derpta v 1708 g.” In *Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraya*, vol. 2, 478–490. Riga: Tip. A.I. Lipinskago Press, 1879: (in Russian).
- Krylova, T.K. “Guzumskie peregovory o severnom mire i kapitulyatsiya vtoroi shvedskoi armii Stenboka v mae 1713 g.” In *Poltavskaiia pobeda. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i posle Poltavy*, 186–208. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Molchanov, N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991 (in Russian).
- Myshlaevskii, A.Z. *Severnaya voina na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg.: Dokumenty Gos. Arhiva*. St. Peterburg: Izdanie voenno-uchenogo komiteta Glavnogo shtaba Publ., 1894 (in Russian).
- Myshlaevskii, A.Z. *Severnaya voina. Letniaia kampaniia 1708 g.* St. Peterburg: Berezhlivost Publ., 1901 (in Russian).
- Nikiforov, L.A. *Russko-angliiskie otnosheniia pri Petre I*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1950 (in Russian).
- Nikiforov, L.A. *Vneshniaia politika Rossii v poslednie gody Severnoi voiny: Nishtadskii mir*. Moscow: AN SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Palli, Kh.E. *Mezhdru dvumia boiami za Narvu: Estoniia v pervye gody Severnoi voiny (1701–1704)*. Tallinn: [S.n.], 1966 (in Russian).

- Petrov, A.V. *Gorod Narva, ego proshloe i dostoprimechatel'nosti v svyazi s uprocheniem russkogo gospodstva na Baltiiskom poberezh'e*. St. Peterburg: Tip. Min. Vnut. Del Press, 1901 (in Russian).
- Sterlikova, A.A. "Stanovlenie rossiiskoi imperii i osobennosti russkogo imperializma na primere vkhozhdeniia Pribaltiki v sostav Rossii." In *Imperii i imperializm novogo i noveishego vremeni: Sbornik statei*, 233–236. St. Peterburg: Istoricheskii fakul'tet SPB GU, 2009 (in Russian).
- Veber, F.Kh. "Preobrazhennaia Rossiia." *Russkii arhiv*. no. 6 (1872): 1060–1168 (in Russian).
- Zaozerskii, A.I. *Fel'dmarshal B.P. Sheremetev*. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Николай Равильевич Славнитский, канд. истор. наук, главный научный сотрудник, Государственный музей истории Санкт-Петербурга; 197046, Россия, Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, 3; slavnitski@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Nikolai R. Slavnitsky, PhD in History, Chief Researcher, State Museum of the History of Saint Petersburg; 3, Petropavlovskaya krepost', St. Petersburg, 197046, Russia; slavnitski@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>